

УДК 347. 93

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ВНЕСУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА МЕСТАХ В 1917–1918 гг. (на примере Уральского региона)

АБРАМОВСКИЙ А.А., канд. ист. наук

Рассмотрены особенности становления и деятельности нового суда в первые годы существования Советского государства. Показано, что параллельно с процессуальной деятельностью советского суда функционировала система внесудебной расправы на всей территории страны.

В первые годы существования Советского государства судебными функциями обладали не только судебные установления, как-то местные и окружные народные суды, революционные трибуналы, но и различные внесудебные учреждения и лица: чрезвычайные органы власти (ВЧК, ВРК, военно-революционные штабы и др.), советские учреждения, командиры воинских подразделений и даже отдельные чиновники.

Внесудебные органы, как правило, являлись карательным придатком к судебной системе, совмещающим административную по сути дела репрессию с уголовным судопроизводством. На местах они применяли наказания, предусмотренные уголовным законом, но действовали по собственной, по существу административной процедуре. Таким образом, их можно назвать квазисудебными органами. И хотя формально относительно создания, компетенции и форм деятельности внесудебных органов издавались законы и правительственные постановления, они противоречили элементарным основам права, согласно которым всякий человек имеет право быть выслушанным судом, защищаться против предъявленного ему обвинения и обжаловать вынесенный приговор¹.

В РСФСР впервые право осуществления внесудебной репрессии в масштабах страны узурпировала Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая уже к весне 1918 г. из следственного органа превратилась в большей степени в учреждение внесудебных репрессий. 21 февраля 1918 г. был опубликован декрет-воззвание Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности», на следующий день ВЧК самостоятельно присвоила себе право единолично реализовывать его на практике. «До сих пор комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции нагнетает с каждым днем, – указывалось в центральных «Известиях», – Всероссийская чрезвычайная комиссия не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления». Кроме того, в нарушение норм формировавшегося пролетарского права ВЧК сама присвоила себе право существенно дополнять декреты Совнаркома (что мог делать только высший орган государственной власти – ВЦИК), расширив круг лиц, подпадавших под расстрел на месте². С этого момента пошел резкий перекокс в соблюдении законности чекистского следствия, отыскания объективной (а не классовой) истины по уголовным делам и в итоге – предание преступника суду революционного трибунала.

ВЧК превратилась из скромной следственной комиссии в грозный судебный и правотворческий орган советской власти. В конце февраля 1918 г. Ф.Э. Дзержинский, ознакомившись с делом бандита князя Эболи, с согласия всех членов коллегии ВЧК подписал приказ о расстреле его и его любовницы³. Это был первый смертный приговор, вынесенный ВЧК. До этого все оконченные следствием дела из ВЧК передавались в революционный трибунал для вынесения судебного решения. «Законное» начало внесудебных репрессий было положено. В своем интервью газете «Новая жизнь» 8 июня 1918 г. Ф.Э. Дзержинский раскрыл механизм принятия таких решений: «Напрасно нас обвиняют в анонимных убийствах, – комиссия состоит из 18 испытанных революционеров, представителей ЦК партии и представителей ЦИК. Казнь возможна лишь по единогласному постановлению всех членов комиссии в полном составе. Достаточно одному высказаться против расстрела, и жизнь обвиняемого спасена. Наша сила в том, что мы не знаем ни брата, ни свата, и к товарищам, уличенным в преступных деяниях, относимся с сугубой суровостью. Поэтому наша личная репутация должна быть вне подозрения. Мы судим быстро. В большинстве случаев от поимки преступника до постановления проходят сутки или несколько суток, но это, однако, не значит, что приговоры наши не обоснованы. Конечно, и мы можем ошибаться, но до сих пор ошибок не было. Почти во всех случаях преступники, припертые к стене уликами, сознаются в преступлении, а какой же аргумент имеет больший вес, чем собственное признание обвиняемого»⁴. Таким образом, задолго до сталинских репрессий и сталинской законности личное признание

обвиняемого или подсудимого являлось «царицей доказательств». Это Ф.Э. Дзержинский, а не А.Я. Вышинский ввел в предварительное следствие и судебный процесс эту большевистскую аксиому.

Следующим по важности критерием виновности или оправдания было социальное происхождение субъекта преступного деяния. Руководствуясь большевистской целесообразностью, член коллегии ВЧК М. Лацис провозглашал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования, профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого»⁵.

Всероссийская чрезвычайная комиссия была создана 15 декабря 1917 г. Несмотря на то, что уже через неделю после своего образования ВЧК опубликовала обращение «Ко всем Советам на местах», призывавшее немедленно приступить к организации чрезвычайных комиссий, их создание в регионах, в том числе и на Урале, происходило очень медленно. Деятельность ВЧК в первое время распространялась только на Петроград, Москву и ближайшие к центру губернии. Этот процесс несколько ускорился после вторичного направления в марте 1918 г. в адрес региональных органов власти нового постановления ВЧК, вновь требовавшего немедленного создания при всех Советах чрезвычайных комиссий⁶.

Постепенно сеть чрезвычайных следственных комиссий покрывала всю территорию России, и уже к 1 июля 1918 г. в РСФСР действовало 265 уездных и 40 губернских ЧК⁷, немалая часть которых функционировала в уральском регионе. В Пермской губернии 15 марта 1918 г. был образован окружной чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, через два месяца переименованный в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию. Ее председателем был утвержден Ф.Н. Лукоянов, руководивший до июля 1918 г., а затем возглавивший Уральскую областную ЧК.

При участии губернской комиссии весной-летом 1918 г. стали создаваться и работать уездные ЧК, возглавляемые уральскими коммунистами. Первым председателем Лысвенской ЧК стал Я. Москов (а с июля П.И. Студинов), Оханской – Н.М. Быстрых, в Алапаевске Верхотурского уезда – Н.П. Говырин, в Мотовилихе – Н.С. Завьялов⁸. В отсутствие проверенных, надежных кадров уездные ЧК возглавляли руководители советских органов власти, так, в Камышловском уезде ЧК руководил председатель исполкома М. В. Васильев⁹. В Шадринском уезде в июне 1918 г. было принято, на наш взгляд, абсурдное решение – создать комиссию (!) в единственном лице большевика Торопова¹⁰. К осени 1918 г. на территории Пермской губернии действовало уже 30 чрезвычайных комиссий¹¹.

17 марта 1918 г. Уфимский губернский комитет был переименован в губернский Совнарком и при нем учреждена губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и хищничеством во главе с большевиком П.И. Зенцовым и его заместителем А.С. Ермолаевым¹². Комиссия наделялась экстраординарными полномочиями, вплоть до объявления военного или осадного положения. Создавались чрезвычайные комиссии и в уездах, иногда их полномочия осуществляли другие учреждения. В Златоустовском уезде чрезвычайная комиссия до мятежа белочехов так и не была создана, но ее функции выполняла «группа Красной контрразведки», созданная председателем военно-революционного комитета В. Ковшовым. Она состояла в основном из латышей, эвакуированных в Златоуст в годы Первой мировой войны с рижских заводов – Абина, Виганта и др.¹³. Эффективность ее следственных действий была невысокой и не всегда достигала результата. В Сатке Златоустовского уезда весной 1918 г. действовала подпольная белогвардейская организация «Штаб черного орла», распространявшая антисоветские прокламации по городу. «Было произведено много обысков, – вспоминал саткинский большевик И.Г. Булатов, – но они ничего не дали, офицеры оставались на свободе»¹⁴.

В Оренбургской губернии 7 марта 1918 г. военно-революционный комитет создал отдел по борьбе с контрреволюцией под руководством А.Н. Самойлова и А.И. Бурчак-Абрамовича¹⁵. 1 июня 1918 г. совместным постановлением губисполкома и военно-революционного штаба этот отдел был преобразован в губернскую ЧК, и возглавил ее, по личному распоряжению Ф.Э. Дзержинского, вернувшийся из Москвы бывший комиссар Военно-народной охраны И.Ф. Лобов. Под его руководством чекисты в короткий срок разоблачили и обезвредили ряд заговоров и вооруженных банд, в том числе и действовавшую в Оренбурге глубоко законспирированную так называемую «Военную офицерскую организацию», ставившую своей целью совершение терактов в отношении советских руководителей¹⁶.

Создавались чрезвычайные комиссии и в уездах. 6 апреля 1918 г. в Верхнеуральском уезде член следственной комиссии народного суда В. Константинов возглавил образованную Советом чрезвычайную следственную комиссию¹⁷. Также в апреле большевик Е.А. Башилов был назначен председателем чрезвычайной судебно-следственной комиссии Орского уезда. «Была поставлена задача не только карать, своевременно распознавать и наказывать действия открытых врагов, – позже вспоминал председатель ЧК, – но и вести воспитательную предупредительную работу. Взыскивать наложенную контрибуцию с орских купцов. Вылавливать шпионов»¹⁸.

В Челябинском уезде территориальная чрезвычайная комиссия не была создана, ее обязанности легли на следственную комиссию И.А. Кольцова. К названию «Челябинская следственная комиссия» добавилось определение «чрезвычайная». Параллельно с ней была создана и функционировала специальная железнодорожная чрезвычайная комиссия, возглавляемая Л.А. Жидковым. Весной 1918 г. Челябинская чрезвычайная следственная комиссия расследовала дело по проведенной в период с 12 по 16 апреля забастовке печатников, основным требованием которых было повышение заработной платы на 25%. Комиссией были арестованы члены стачечного комитета и другие участники забастовки. Челябинский Совет поручил чрезвычайной следственной комиссии передать их революционному суду. Кроме того, Совет просил большевистские организации привлечь к партийному суду своих членов, не принявших мер к прекращению забастовки. Удавалось подразделению И.А. Кольцова раскрывать и громкие преступления. Членами чрезвычайной следственной комиссии было установлено создание Челябинского отделения «Союза защиты Родины и свободы», ставившего своей целью свержение советского правительства и организацию «твердой власти» в России. В начале мая 1918 г. чекистам удалось обнаружить явочную квартиру контрреволюционеров в Челябинске. Однако в силу неопытности они поспешили с арестом и захватили лишь небольшую группу участников подпольной организации.

Начали функционировать чрезвычайно-следственные комиссии и в волостях Челябинского уезда. В конце мая 1918 г. на заседании Шумихинского волостного Совета была избрана «Постоянная следственная комиссия для дознания по контрреволюционным делам, спекуляции и мародерству», состоявшая из трех человек – Пивоварова, Морозова и Камышева¹⁹.

30 мая 1918 г. Вятский губисполком отмечал, что городская комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем «не стоит на должной высоте, ибо, находясь при городском Совете, круг ее деятельности большей частью не выходит за черту города», и принял решение организовать такую комиссию «в общегубернском масштабе». Новая комиссия подчинялась отделу управления губисполкома, который определил «пределы предоставленных ей функций». Было принято решение о выработке положения по деятельности ЧК «в общегубернском масштабе»²⁰. И только 5 июня 1918 г., уже в ходе гражданской войны, инструкция по организации и деятельности комиссий по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией была утверждена Вятским губернским съездом комиссаров отделов управления уездных исполкомов. В соответствии с ней при всех уездных и волостных Советах должны быть образованы ЧК, в их состав Советы избирали только «коммунистов-большевиков и левых социалистов-революционеров». Они избирались не менее чем из трех членов, причем председатель в обязательном порядке – из членов исполкома совета. В своей деятельности комиссии руководствовались «указаниями-инструкциями центра, его обязательными постановлениями, постановлениями общегубернских съездов Советов и постановлениями губисполкома». Комиссии имели право производить обыски, аресты и задержания лиц, замеченных или уличенных в контрреволюционной деятельности, независимо от занимаемой ими должности. Ордера на производство этих действий подписывал председатель комиссии. В течение 24 ч с момента ареста комиссия должна была передать собранные материалы в следственную комиссию революционного трибунала. В случае проведения массовых арестов ЧК имела право привлекать Красную гвардию и милицию. Кроме этого, ЧК предоставлялось право требовать «необходимые сведения, справки и т.д.» от советских учреждений, производить конфискации, «удалять саботирующие элементы немедленно от своих мест и обязанностей», налагать штрафы на спекулянтов и укрывателей оружия²¹.

Созданные в соответствии с этой инструкцией комиссии в уездах Вятской губернии осуществляли репрессии и внесудебные расправы. 9 июля 1918 г. Яранская уездная ЧК опубликовала обязательное постановление «О мерах борьбы с агитацией против советской власти», предусматривавшее и борьбу со спекуляцией промышленными товарами и продуктами. Согласно этому постановлению лица, замеченные и уличенные в вышеуказанных деяниях, подвергались штрафу до 5 тыс. руб. с конфискацией найденных товаров, продуктов и имущества, а замеченные в неоднократных преступлениях расстреливались. Причем обязанности по задержанию и аресту Яранская ЧК возлагала и на граждан, в крайнем случае, о контрреволюционерах можно было сообщить письменно в ЧК²².

В мае 1918 г. по постановлению областного Совета была создана Уральская областная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем²³.

Внесудебную деятельность чрезвычайных комиссий дополняли мероприятия различных советских учреждений и воинских подразделений, которые, начиная с центральной власти и заканчивая местной, принимали экстремистские декреты и постановления о расстреле граждан на месте без всякого суда и следствия. Начало такого беспредела положил вышеупомянутый декрет Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности». Нормы этого пролетарского закона гласили: «Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева, всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся – расстреливать. Неприятельские

агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»²⁴.

Советские органы Урала также не отставали в своих действиях от центра. Пермский губисполком, согласно циркуляру Народного комиссара путей сообщения, 25 февраля 1918 г. принял постановление «О борьбе с мешочничеством», в соответствии с которым отряды по охране железных дорог обязаны были конфисковывать у мешочников провозимые ими запасы продовольствия и оружия (кроме личных припасов не свыше 20 фунтов веса). За сопротивление этому «законному» произволу мешочники подвергались аресту и после предварительного следствия предавались революционному суду. «В случае сопротивления с оружием в руках, – гласил этот документ, – расстреливаются на месте»²⁵. Период «революционного романтизма» в деятельности местных органов новой власти завершился. Товарно-денежные отношения прекратились, и тогда власть вынуждена была прибегнуть к политике силовых мер, следствием чего и стало изъятие «излишков» продовольствия у населения. Стремясь придать своим действиям видимость законности, пролетарская власть стала издавать приказы и распоряжения, обосновывавшие правомерность подобных действий, нарушая тем самым провозглашенные ею же самой права и свободы.

В Оренбургской губернии действия многочисленных отрядов, направленных распоряжением Совнаркома для борьбы с «дутовским мятежом», опровергли представление о пролетариате как самом передовым и сознательным классом. Пользуясь ситуацией, красногвардейские отряды самочинно проводили изъятие скота у населения, налагали контрибуцию на «буржуазию», широко практиковали насилие по отношению к местному казачьему населению. Эти действия приняли широкий размах, так что, как отмечал еще в вышедшей в 1924 г. работе «Как сражалась революция» Н.Е. Какурин, Оренбургский губисполком по одному из таких отрядов вынужден был принять особое постановление. «Присылаемые отряды в Оренбург, – писал Н.Е. Какурин, – не соответствуют назначению, так как среди них полная деморализация. Жлобинский отряд (будущий герой гражданской войны Д. Жлоба) в количестве 500 человек берет контрибуцию с казаков и делит ее между собой»²⁶. Этот и другие многочисленные факты свидетельствуют о том, что на данном этапе действовало не революционное правосознание, а элемент силы – кто вооружен, тот и диктует населению свои условия и правила.

Не оставались в долгу и оренбургские казаки, создававшие отряды самообороны и уничтожавшие красногвардейцев. Кровавое противостояние разрасталось, сметая все наивно-романтические представления о революции, свободе, братстве, справедливости. Белоказаки открыто угрожали новой власти: «Мы, казаки-оренбуржцы, объявили беспощадную борьбу большевикам, не сложим оружия до тех пор, пока хоть один большевик будет в пределах нашего края. Мы уничтожаем беспощадно всех сочувствующих или работающих для их поддержки. Железная дорога необходима большевикам, и мы предупреждаем, что она со дня объявления этого воззвания будет подвергаться нападению наших организованных летучих отрядов. Кому дорога жизнь, тот пусть уходит со станций»²⁷.

Политическое противостояние в губернии стало стремительно расти, и после разгрома казаками нескольких реквизиционных отрядов (одним из них командовал предгубисполкома С.М. Цвиллинг) советская власть стала применять против населения казачьих станиц артиллерию, уничтожать огнем целые поселки, расстреливая казаков за обнаруженные в усадьбах оружие или боеприпасы. Вполне естественно, никакого следствия и суда в отношении таких действий казаков не было. «Штаб будет расстреливать артиллерийским огнем, снарядами и удушливыми газами за все нарушения станицы и поселки, – выдвигал свой ультиматум военно-революционный штаб Оренбурга, – за все нарушения или убийства красногвардейца и нападение будет караться расстрелом всей станицы и поселка. За одного убитого будет убито сто человек»²⁸. Самым трагичным являлось то, что эти угрозы не оставались зафиксированными только на бумаге, а приводились в действие. По данным отдела восстановления сожженных станиц Оренбургского казачьего войска красногвардейскими отрядами в станице Павловской было разрушено 580 дворов, Донецкой – 500, Татищевой – 700, Угольной – 560. Такие же потери понесли станицы Григорьевская, Пречистинская и другие. Всего весной 1918 г. от действий реквизиционных отрядов пострадало 19 станиц, в которых было сожжено 3872 жилых и хозяйственных постройки²⁹. В результате массовых обстрелов станиц населению был нанесен ущерб на сумму около 10 млн руб. в ценах 1918 г.³⁰.

Видя масштабы развернувшихся беззаконий и отчетливо понимая, к чему это может привести, Оренбургский губисполком 20 мая был вынужден принять решение, в котором отмечалось, что «обстреливая население местности, отряды иногда увлекаются и разрушают целые станицы до основания». Губисполком потребовал от красногвардейских частей принять «энергичные меры в борьбе с этими разрушениями»³¹. Однако это постановление воспринято не было, и насилие в отношении населения продолжалось с прежним размахом.

В период постоянных жестоких набегов белоказачьих на Оренбург губернские органы власти отступали от процессуальных норм, регулировавших предварительное следствие, предание суду,

вынесение наказания. Военно-революционный штаб после набега казаков 4 апреля 1918 г. на Оренбург, когда погибло 129 красногвардейцев и членов их семей, издал приказ, обязывающий всех уголовников, грабителей и хулиганов немедленно, в 24 часа, покинуть пределы города. «Со дня опубликования данного приказа, – подчеркивалось в документе, – все преступники будут на месте расстреливаться без всякого суда и следствия. Всей охране и караулам вменяется в обязанность производить самую решительную расправу со всеми преступными элементами»³². Штаб 27 апреля, почти на полгода ранее советского правительства, объявил «красный террор». «Революционный трудовой народ вызов принимает, – провозглашалось в обращении к населению, – и мы белогвардейцам заявляем: вступая с вами в открытую борьбу, мы также беспощадны и наш красный террор заставит прийти в трепет всю вашу Оренбургскую контрреволюционную свору»³³. Примечательно, что даже в период наивысшего подъема политических событий 1905 г., когда под революционными лозунгами в губернии активизировались уголовные элементы и прокатилась волна погромов, прежняя власть не позволяла отступать от норм права и не обрушила на своих противников репрессивные меры. Предпринимаемые царскими чиновниками действия находились в правовом поле, и под уголовное преследование попадали лишь лица, виновные в совершении конкретных преступлений.

Аналогичные явления происходили и в Уфимской губернии. Исполком Кизганбашевского волостного совета 27 апреля принял решение «Об обложении богачей контрибуцией и о разделе земли между крестьянами по закону о социализации». В ответ сельские богачи во главе с Н. Хайдаршиным решили «во что бы то ни стало разогнать совет». Прибывший на помощь из уездного города Бирска отряд Красной гвардии арестовал четверых зачинщиков бунта, которых исполком решил оправить в Бирск, а на остальных деревенских богачей наложил контрибуцию в сумме более 100 тыс. руб. «В этот же день была получена телеграмма, – говорилось в газете «Кюряш», – с предписанием приговорить Нигматшу Хайдаршина к смертной казни. В соответствии с полученной телеграммой начальник прибывшего из Бирска отряда Тоболкин приказал дружине расстрелять Хайдаршина, что было приведено в исполнение»³⁴.

В условиях обострения классовой борьбы, красного террора, открытого вооруженного противостояния III-й Уфимский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и батрацких депутатов 7 июля 1918 г. принял жестокую резолюцию: «Для всех врагов рабоче-крестьянского правительства готовы пули и штыки! За каждого нашего убитого товарища уьем сотню наших врагов! Малейшее контрреволюционное выступление в Уфимской губернии и в г. Уфе будет преследоваться беспощадно по всей строгости законов военного положения вплоть до расстрела»³⁵.

«Красный террор» на Урале вскоре принял такой размах, что репрессии обрушились на рабочую среду и трудовое крестьянство. Весной 1918 г. доведенные до отчаяния осуществлявшейся экономической политикой новой власти рабочие и крестьяне стали оказывать вооруженное сопротивление Советской власти. В марте в Оханском уезде Пермской губернии крестьяне оказали отпор продотряду, изымавшему у них хлеб. Тогда же произошли волнения в Буреавской волости Бирского уезда Уфимской губернии. Весной-летом крупные выступления крестьян и рабочих произошли в Кунгурском, Красноуфимском, Нолинском, Глазовском, Малмыжском, Уржумском уездах Пермской и Вятской губерний. Наибольший размах имело Ижевско-Воткинское восстание рабочих. При подавлении этих выступлений к восставшим применялись меры вплоть до расстрела, естественно, без всякого суда и следствия. Рабочие Березовского завода Екатеринбургского уезда 9 мая 1918 г. потребовали переизбрания Совета. В ответ на это Совет ввел военное положение, красногвардейцами было расстреляно 15 рабочих. Из Екатеринбурга на помощь подоспел вспомогательный отряд Красной Гвардии, в течение четырех дней шли повальные обыски, аресты и расстрелы, число жертв увеличилось еще на 30 человек.

Массовые внесудебные репрессии со стороны советских органов, естественно, привели к практике самосудов, учиняемых повсеместно как в стране, так и на Урале. Вплоть до начала гражданской войны на территории Оренбургской губернии факты самосудов фиксировались очень часто, не стали исключением и станицы Оренбургского казачьего войска. Губисполком, заслушав 8 мая отчет о работе чрезвычайного казачьего съезда, принял жесткую резолюцию: «Оренбургский губисполком заявляет, что по-прежнему всякие самосуды и расстрелы им осуждаются, против них он совместно с губернским военно-революционным штабом всеми силами борется, и используются все способы для уничтожения всяких бесчинств, творимых преступными лицами, кто бы они ни были и какое бы положение они не занимали»³⁷.

Самосуды происходили и в отрядах Красной Армии, действовавших против атамана Дутова. 7 мая 1918 г. оперативный штаб этих отрядов «во избежание самосудов и неорганизованных выступлений, с одной стороны, и необходимости суровых и незамедлительных мер пресечения вооруженного восстания врагов революции, с другой стороны, учредил институт Полевого суда». В соответствии с этим приказом он рассматривал дела по обвинению в выступлениях против Советов, носящих военный характер; шпионаже; невыполнении приказов штаба, в том числе и боевых³⁸. Удивительным является то, что самосуды приравнивались к такому «тяжкому» преступлению, как пьянству солдат. Однако, несмотря на это, самосуды в красных войсках, как отмечал сам

Оренбургский военно-революционный штаб, совершались «чуть ли не каждый день». «Отмечая такое негативное явление, – гласил очередной приказ, – штаб призывает, вновь категорически, всем частям войск раз и навсегда прекратить всякие самосуды над кем бы то ни было. Лица, замеченные в совершении самосуда и пьянстве, должны преследоваться как враги народа и революции и немедленно предаваться полевому суду»³⁹.

Таким образом, параллельно с процессуальной деятельностью нового советского суда функционировала огромная система внесудебной расправы на всей территории страны. Тем самым с первых месяцев образования Советского государства закладывались правовые и социальные основы будущих массовых репрессий 30-х гг.

Примечания

- 1 Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – СПб., 2002. – С. 294.
- 2 Известия ВЦИК. – 1918. – 23 февраля.
- 3 Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Держжинского. – Минск., 1970. – С. 234.
- 4 Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923 гг. – М., 1990. – С. 109.
- 5 Стецовский Ю. История советских репрессий. – М., 1997. – Т. 1. – С. 13.
- 6 Хацкевич А.Ф. Указ. Соч. – С. 226, 239.
- 7 Сырых В.М. История государства и права России. – М., 1999. – С. 31.
- 8 Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 189, 455, 613.
- 9 Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1999. – С. 105.
- 10 ОГАЧО. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 206. Л. 324–325.
- 11 Коммунисты Урала в годы гражданской войны. – Свердловск, 1959. – С. 45.
- 12 Солдаты Октября. – Уфа, 1980. – С. 59.
- 13 Солдаты Октября. – Челябинск, 1988. – С. 176.
- 14 ОГАЧО. Ф. Р-288к. Оп. 2. Д. 66. Л. 63.
- 15 ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 11. Л.38.
- 16 Страницы незримых поединков. – Челябинск, 1986. – С. 288–289.
- 17 ОГАЧО. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 349. Л. 101.
- 18 Башилов Е.А. Моя работа в ЧК // За власть советов. – Оренбург, 1957. – С. 216–217.
- 19 Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – 1918. – 30 мая.
- 20 ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 52. Л. 115–116.
- 21 Там же. – Ф.876. Оп. 1. Д. 75. Л. 70–71.
- 22 Там же. – Ф. 2895. Оп. 1. Д. 1. Л. 234.
- 23 Уральская историческая энциклопедия. – С. 373.
- 24 Декреты Советской власти. Т. 1. – М., 1957. – С. 491.
- 25 Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов. – 1918. – 3 марта.
- 26 Абрамовский А.А., Абрамовский А.П., Кобзов В.С. К вопросу о судебном строительстве в Оренбургской губернии в годы революции // История правоохранительных органов России. – Челябинск, 2000. – С. 170.
- 27 Вестник Народное дело. – 1918. – 27 апреля.
- 28 Там же. – 21 апреля.
- 29 ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Л. 841.
- 30 Там же. – Д. 33. Л. 59.
- 31 Там же. – Оп. 1. Д. 7. Л. 109.
- 32 Вестник Народное дело. – 1918. – 23 апреля.
- 33 Голос трудового казачества. – 1918. – 27 апреля.
- 34 Кюряш. – 1918. – 12 мая.
- 35 Вперед. – 1918. – 7 июня.
- 36 Попов Н.Н., Бузров Д.В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. – Екатеринбург, 1997. – С. 116.
- 37 ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.
- 38 Голос трудового казачества. – 1918. – 16 мая.
- 39 Там же. – 26 мая.